
STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

№ 51. — «Библіотека Русскаго Пролетарія». — № 51.
. Koukline.—«L'Union du Nord des ouvriers russes et S. Haltourine».
Prix: 15 коп., 40 cent.

Г. А. КУКЛИНЪ.

Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ и Степанъ Халтуринъ.

(1878—1882 гг.)

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
04.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

Г. А. Куклинъ.

ИТОГИ
РЕВОЛЮЦІОННАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ ЗА 40 ЛѢТЪ
(1862-1902 гг.)

Сборникъ программъ, программныхъ статей русскихъ революціонныхъ партій и группъ и краткихъ очерковъ по исторіи русскаго революціоннаго движенія. Цѣна: 3 р. 20 коп., 8 фр., 6 м. 50 пф.

Карлъ Марксъ.

Наемный трудъ и капиталъ.
Съ введеніемъ Ф. Энгельса.

Перевелъ съ нѣмецкаго изданія 1891 года Б. К.

Цѣна: 20 коп., 50 сант.

Печатаются и скоро выйдутъ:

Г. А. Куклинъ.

МАТЕРІАЛЫ
къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи
томъ первый (1800—1854 г.)

Оглавленіе: Декабристы. — Народныя волненія въ царствованіе Николая I. — Тайное украинское общество «Кирилло-Меводіевскаго братства.—Петрашевцы —Политическая эмиграція при Николаѣ I. —Польское движеніе при Александрѣ I и Николаѣ I.

Изданіе иллюстрировано 13 портретами и 5 снимками картинъ

№ 51 — «Библіотека Русскаго Пролетарія» — № 51

Kuklin, G. A

Г. А. КУКЛИНЪ.

Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ и Степанъ Халтуринъ.

(1878 — 1882 гг.)

ЖЕНЕВА
Изданіе Г. А. Куклина.
15, rue de Candolle.
1904

TK

При составленіи этой брошюры я, къ сожалѣнію, не имѣлъ возможности воспользоваться открытымъ письмомъ къ «Сѣверному Союзу», которое варшавская рабочая организація издала въ 1879 г., а также отвѣтомъ «Союза» на это открытое письмо. Обращаюсь съ просьбой къ читателямъ прислать мнѣ или указать гдѣ можно достать «открытое письмо» и «отвѣтъ», а также карточки Халтурина и Обнорскаго. Все эго необходимо для четвертаго тома «Матеріаловъ».

Г. Куклинъ.

СѢВЕРНЫЙ СОЮЗЪ РУССКИХЪ РАБОЧИХЪ

И

СТЕПАНЪ ХАЛТУРИНЪ.

(1878—1882 гг.)

Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ былъ основанъ въ концѣ 1878 г. главнымъ образомъ стараніями столяра Степана Халтурина и его товарища слесаря Виктора Обнорскаго. Какъ Халтуринъ такъ и Обнорскій были спропагандированы въ началѣ 70-хъ годовъ. Съ Обнорскимъ занимались члены кружка Н. Чайковскаго. Впослѣдствіи онъ жилъ долгое время заграницей и имѣлъ возможность подробно познакомиться, какъ съ организаціями западно-европейскихъ рабочихъ, такъ и съ различными фракціями русскихъ революціонеровъ. Изъ послѣднихъ онъ сошелся только съ набатовцами, но былъ согласенъ съ ними, кажется, только по вопросу о необходимости политической борьбы. Въ Россію Обнорскій вернулся въ 1878 г. съ «планомъ *) систематической дѣятельности среди рабочихъ со станкомъ и шрифтомъ, полученными отъ набатовцевъ». Въ Петербургѣ съ нимъ встрѣтился Халтуринъ, у котораго уже былъ кружокъ распропагандированныхъ рабочихъ. Вотъ что разсказываетъ Г. В. Плехановъ въ своихъ воспоминаніяхъ **) о Халтуринѣ, котораго лично зналъ и съ которымъ имѣлъ дѣловыя революціонныя сношенія:

*) Вл. Бурцевъ «О Сѣв.-русскомъ рабочемъ союзѣ» (Былое № 3).
**) «Русскій раб. въ революц. движ.» Изд. 2-ое стр. 54.

«Степанъ Халтуринъ родился въ Вяткѣ. Его родители, бѣдные мѣщане, посылали его въ дѣтствѣ въ какую-то школу, а затѣмъ отдали въ ученье къ столяру. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ скоро нашелъ мѣсто на заводѣ. Не знаю, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ захватило его революціонной волной, но въ 1875-76 гг. онъ былъ уже дѣятельнымъ пропагандистомъ... Онъ былъ изъ тѣхъ людей, наружность которыхъ не даетъ даже приблизительно вѣрнаго понятія объ ихъ характерѣ... Близко сойтись съ нимъ можно было только на дѣлѣ... Какъ огонь вспыхивалъ онъ, когда «интеллигентъ» дѣлалъ при немъ какой-нибудь не совсѣмъ лестный отзывъ о рабочихъ. Въ рабочихъ видѣлъ онъ самыхъ надежныхъ, прирожденныхъ революціонеровъ... На кружковыхъ рабочихъ собраніяхъ онъ говорилъ рѣдко и неохотно. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло не клеилось, когда собравшіеся говорили что нибудь несообразное, или уклонялись отъ предмета сходки, Степанъ прорывался. Крснобаемъ онъ не былъ, — иностранныхъ словъ, которыми любятъ щеголять иные рабочіе, никогда почти не употреблялъ, — но говорилъ горячо, толково и убѣдительно... Тайна огромнаго вліянія, своего рода диктатуры Степана заключалась въ неутомимомъ вниманіи его ко всякому дѣлу... Халтуринъ отличался большою начитанностью... При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось, однако, что и читалъ Степанъ такъ, какъ умѣютъ читать только немногіе. Онъ всегда хорошо зналъ, зачѣмъ именно раскрывалъ такую-то книгу. Къ тому же *мысль* постоянно шла у него рука объ руку съ *дѣломъ*... Все вниманіе его было поглощено общественными вопросами, и всѣ эти вопросы, какъ радіусы изъ центра, исходили изъ одного коренного вопроса о задачахъ и нуждахъ нарождавшагося русскаго рабочаго движенія... По тому, что читалъ Халтуринъ въ данное время, можно было судить о томъ, какіе практическіе планы шевелятся въ его головѣ. Еще задолго до организаціи «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ» онъ принялся изучать европейскія коституціи. — Что это ты на нихъ набросился? спрашивали его. — Да что же, вѣдь это интересно, отвѣчалъ онъ: Программа

Союза лучше его объяснила, почему онъ набросился на конституціи».

Этотъ «Союзъ», который являлся зародышемъ русской соціалдемократической рабочей партіи, имѣлъ большой успѣхъ среди рабочихъ массъ Петербурга и Москвы. Уже вскорѣ въ «Союзъ» записалось около 200 рабочихъ, посвященныхъ въ дѣло, да столько же было кандидатовъ въ члены изъ сочувствующихъ революціонному дѣлу. Прибавимъ, что въ члены Союза, съ самаго его основанія, могли вступать только рабочіе. 23 декабря 1878 г. происходило первое генеральное собраніе «Союза», а черезъ недѣлю второе. На этихъ собраніяхъ была выработана программа «Союза», отличавшаяся рѣзкимъ политическимъ характеромъ. Эта программа есть первая русская соціалдемократическая рабочая программа: она была напечатана по просьбѣ рабочихъ въ «Петербургской Вольной Типографіи» 12 января 1879 года:

Къ русскимъ рабочимъ.

Программа «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ».

(1879 г.)

«Сознавая крайне вредную сторону политическаго и экономическаго гнета, обрушивающагося на наши головы со всею силою своего неумолимаго каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего соціальнаго положенія, лишающаго насъ всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существованіе, сознавая, наконецъ, болѣе невозможнымъ сносить этотъ порядокъ вещей, грозящій намъ полнѣйшимъ матеріальнымъ лишеніемъ и парализаціею духовныхъ силъ, мы, рабочіе Петербурга, на общемъ собраніи отъ 23 и 30 декабря 1878 г. пришли къ мысли объ организаціи обще-русскаго союза рабочихъ, который, сплачивая разрозненныя силы городского и сельскаго рабочаго населенія и выясняя ему его собственные интересы, цѣли и стремленія, служилъ бы ему достаточнымъ оплотомъ въ борьбѣ съ соціальнымъ безправіемъ и давалъ бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успѣшнаго веденія борьбы.

«Организація *Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ* должна имѣть строго опредѣленный характеръ и преслѣдовать именно тѣ цѣли, какія поставлены въ ея программѣ.

«Въ члены этого союза избираются исключительно только рабочіе и черезъ лицъ болѣе или менѣе извѣстныхъ, числомъ не менѣе двухъ.

«Всякій рабочій, желающій сдѣлаться членомъ Союза, обязанъ предварительно ознакомиться съ нижеслѣдующей программой и съ сущностью соціальнаго ученія.

«Всѣ члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушившій ее подвергается немедленному исключенію.

«Членъ же, навлекшій на себя подозрѣніе, изобличающее его въ измѣнѣ Союзу, подвергается особому суду выборныхъ.

«Каждый членъ обязанъ вносить въ общую кассу Союза извѣстную сумму, опредѣляемую на общемъ собраніи членовъ.

«Дѣлами Союза завѣдываетъ комитетъ выборныхъ, состоящій изъ 10 членовъ, на попеченіи котораго лежатъ также обязанности по кассѣ и библіотекѣ. Общія собранія членовъ происходятъ разъ въ мѣсяцъ, гдѣ контролируется дѣятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

«Собранія уполномочиваютъ комитетъ только въ дѣйствіяхъ, являющихся непосредственно въ интересахъ всего Союза.

«На обязанности комитета лежитъ также право сношенія съ представителями провинціальныхъ кружковъ и фракцій рабочихъ Россіи, принявшихъ программу Сѣвернаго Союза.

«Провинціальныя фракціи Союза удерживаютъ за собой автономное значеніе въ сферѣ дѣятельности, опредѣляемой общею программою, и подчиняются только рѣшеніямъ общихъ представительныхъ собраній.

«Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполненія плановъ Союза, и на поддержку рабочихъ во время стачекъ.

«Библіотека имѣетъ цѣлью безплатно удовлетво-

рять потребностямъ столичныхъ рабочихъ, даже и не принадлежащихъ къ Союзу.

«Расходы на ея содержаніе и на выписку книгъ идутъ изъ кассы Союза и изъ суммъ, жертвуемыхъ рабочими.

«Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ, тѣсно примыкая по своимъ взглядамъ къ соціально-демократической партіи Запада, ставитъ своей программою:

«1) Ниспроверженіе существующаго политическаго и экономическаго строя государства, какъ строя крайне несправедливаго.

«2) Учрежденіе свободной народной федераціи общинъ, основанныхъ на полной политической равноправности и съ полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ на началахъ русскаго обычнаго права.

«3) Уничтоженіе поземельной собственности и замѣна ея общиннымъ землевладѣніемъ.

«4) Правильную ассоціаціонную организацію труда, представляющую въ руки рабочихъ-производителей продукты и орудія производства.

«Такъ какъ политическая свобода обезпечиваетъ за каждымъ человѣкомъ самостоятельность убѣжденій и дѣйствій, и такъ какъ ею прежде всего обезпечивается рѣшеніе соціальнаго вопроса, то непосредственными требованіями Союза должны быть:

«1) Свобода слова, печати; право собраній и сходокъ.

«2) Уничтоженіе сыскной полиціи и дѣлъ по политическимъ преступленіямъ.

«3) Уничтоженіе сословныхъ правъ и преимуществъ.

«4) Обязательное и безплатное обученіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

«5) Уменьшеніе количества постоянныхъ войскъ или полная замѣна ихъ народнымъ вооруженіемъ.

«6) Право сельской общины на рѣшеніе дѣлъ, касающихся ея, какъ то: размѣра податей, надѣла земли и внутренняго самоуправленія.

«7) Уничтоженіе паспортной системы и свобода передвиженія.

«8) Отмѣна косвенныхъ налоговъ и установленіе прямого, сообразно доходу и наслѣдству.

«9) Ограниченіе числа рабочихъ часовъ и запрещеніе дѣтскаго труда.

«10) Учрежденіе производительныхъ ассоціацій, ссудныхъ кассъ и дарового кредита рабочимъ ассоціаціямъ и крестьянскимъ общинамъ.

«Вотъ въ главныхъ чертахъ та программа, руководиться которой поставило себѣ задачею общее собраніе петербургскихъ рабочихъ отъ 23 и 30 декабря.

«Путемъ неутомимой и дѣятельной пропаганды въ средѣ своихъ собратьевъ, Сѣверный Союзъ надѣется достичь тѣхъ результатовъ, которые выдвинутъ и у насъ рабочее сословіе и заставятъ его заговорить о себѣ, о своихъ правахъ; посему на обязанности каждаго члена этого Союза лежитъ священный долгъ вести посильную агитацію въ угнетаемой и отзывчивой на требованія справедливости рабочей массѣ. Услуга его не останется забытою потомствомъ, и славное имя его, какъ апостола евангельской истины, занесется въ лѣтописи исторіи.

«Рабочіе! васъ зовемъ мы теперь, къ вашему голосу совѣсти и сознанію обращаемся мы.

«Великая соціальная борьба уже началась — и намъ нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя для освобожденія милліоновъ — и намъ остается только примкнуть къ нимъ. Рука объ руку съ ними пойдемъ мы впередъ и въ братскомъ единеніи сольемся въ одну грозную боевую силу...

«На насъ, рабочіе, лежитъ великое дѣло — дѣло освобожденія себя и своихъ братьевъ, на насъ лежитъ обязанность обновленія міра, утопающаго въ роскоши истощающаго наши силы, — и мы должны дать его.

«Вспомните, кто первый откликнулся на великія слова Христа, кто первый былъ носителемъ его ученія о любви и братствѣ, перевернувшаго весь старый міръ? — простые поселяне... Мы тоже зовемся къ проповѣди, мы тоже призываемся быть апостолами новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа. Насъ будутъ гнать, какъ гнали первыхъ христіанъ, насъ будутъ бить и издѣваться надъ нами, но будемъ неустрашимы и не побоимся ихъ поруганій, такъ какъ одно это озлобленіе противъ насъ уже покажетъ намъ ихъ безсиліе въ борьбѣ съ

нравственнымъ величіемъ людей, въ борьбѣ съ тою силою, какую мы представимъ собою.

«Вы, развращаете міръ, скажутъ намъ, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религію». Нѣтъ, будемъ отвѣчать имъ, не мы развращаемъ міръ, а вы; не мы причиною зла, а вы. Напротивъ, мы идемъ обновить міръ, возродить семью, установить собственность, какъ она должна быть, и воскресить великое ученіе Христа о братствѣ и равенствѣ...

«Рабочіе! Становитесь смѣло подъ наше знамя соціальнаго переворота, сомкнитесь въ дружную братскую семью и, опоясавшись духовнымъ мечемъ истины, идите проповѣдывать свое ученіе по городамъ и селамъ! Ваше будущее лежитъ въ этой спасительной пропагандѣ, и вашъ успѣхъ зависитъ отъ нравственной силы вашей; съ нею мощны вы, съ нею вы покорите міръ.

«Знайте, что въ васъ заключается вся сила и значеніе страны, вы — плоть и кровь государства, и безъ васъ не существовало бы другихъ классовъ, сосущихъ теперь нашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у васъ нѣтъ организаціи, нѣтъ идеи, которой вы бы руководились, нѣтъ, наконецъ, нравственной поддержки, столь необходимой для дружнаго отпора врага. Но мы, рабочіе-организаторы Сѣвернаго Союза, даемъ эту руководящую идею, даемъ вамъ нравственную поддержку въ сплоченіи интересовъ и, наконецъ, даемъ вамъ ту организацію, въ какой нуждаетесь вы.

«Итакъ, за вами, рабочіе, послѣднее слово, отъ васъ зависитъ участь великаго Союза и успѣхъ соціальной революціи въ Россіи».

То обстоятельство, что «Союзъ» по своимъ задачамъ тѣсно и открыто примыкалъ къ соціалдемократическимъ партіямъ Западной Европы, сильно поразило большинство революціонеровъ-«интеллигентовъ». Въ то время въ Россіи господствовали главнымъ образомъ бакунисты, которые очень косо смотрѣли на Маркса и на его сторонниковъ, а лавристы имѣли слиш-

комъ небольшое вліяніе и въ рабочихъ кружкахъ, и среди «интеллигенціи».

«Программа Сѣвернаго Союза — пишетъ В. А. Поссе*) — включаетъ въ себѣ и манифестъ ко всѣмъ русскимъ рабочимъ и оффиціальный уставъ и, наконецъ, программу въ собственномъ значеніи слова...

«...Построеніе этого программнаго воззванія еще очень несовершенно; научное обоснованіе отсутствуетъ, нѣтъ «необходимости» соціальнаго переворота, а только его «справедливость», но тѣмъ не менѣе это произведеніе пробуждающагося русскаго рабочаго имѣетъ огромное значеніе. Оно проникнуто сильнымъ революціонно-классовымъ чувствомъ и надъ нѣкоторыми требованіями и указаніями рабочихъ, піонеровъ русскаго рабочаго движенія и теперь бы еще не мѣшало поразмыслить...»

Рѣзко политическій характеръ программы «Союза» вызвалъ многочисленныя возраженія «неполитиковъ». «Земля и Воля» — оффиціальный органъ партіи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ — также высказался противъ такого преклоненія передъ политической борьбой и соціалдемократическими партіями Запада, но въ то же время горячо привѣтствовалъ основаніе «Союза». Отзывъ о программѣ «Союза» напечатанъ въ № 4 «Земли и Воли», который вышелъ въ Петербургѣ 20 февраля 1879 г. и принадлежитъ, кажется, перу одного изъ редакторовъ этой газеты Г. В. Плеханову:

«По мѣрѣ того, какъ растетъ неурядица нашихъ правителей и защитниковъ порядка, семьи и собственности, революціонные элементы русскаго общества все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ необходимости сплоченной организаціи для борьбы за свои идеи и — знаменательный фактъ — русскіе рабочіе являются піонерами этого движенія.

«Манифестъ ихъ объ основаніи «Сѣв. Союза Рус. Рабочихъ» доказываетъ намъ, что соціализмъ нашелъ среди русскаго пролетаріата не только убѣжденныхъ сторонниковъ, но и людей, способныхъ безъ всякой

*) «Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?», вып. І-ый («Библіотека русскаго пролетарія» № 36). Женева 1903 г., стран. 53—55.

посторонней помощи организоваться въ борющуюся партію, способныхъ на самостоятельную иниціативу.

«Сдѣлается ли Сѣверный Союзъ, какъ надѣются его основатели «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ соціально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготѣющихъ къ нему окрестностей, — во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной соціалистической организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «*освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*» — отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ — все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣв. Союза» — вы выступаете теперь на политическое поприще, какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣв. Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ), — передъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣв. Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе про

комъ небольшое вліяніе и въ рабочихъ кружкахъ, и среди «интеллигенціи».

«Программа Сѣвернаго Союза — пишетъ В. А. Поссе*) — включаетъ въ себѣ и манифестъ ко всѣмъ русскимъ рабочимъ и оффиціальный уставъ и, наконецъ, программу въ собственномъ значеніи слова...

«...Построеніе этого программнаго воззванія еще очень несовершенно; научное обоснованіе отсутствуетъ, нѣтъ «необходимости» соціальнаго переворота, а только его «справедливость», но тѣмъ не менѣе это произведеніе пробуждающагося русскаго рабочаго имѣетъ огромное значеніе. Оно проникнуто сильнымъ революціонно-классовымъ чувствомъ и надъ нѣкоторыми требованіяии и указаніями рабочихъ, піонеровъ русскаго рабочаго движенія и теперь бы еще не мѣшало поразмыслить...»

Рѣзко политическій характеръ программы «Союза» вызвалъ многочисленныя возраженія «неполитиковъ». «Земля и Воля» — оффиціальный органъ партіи русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ — также высказался противъ такого преклонéнія передъ политической борьбой и соціалдемократическими партіями Запада, но въ то же время горячо привѣтствовалъ основаніе «Союза». Отзывъ о программѣ «Союза» напечатанъ въ № 4 «Земли и Воли», который вышелъ въ Петербургѣ 20 февраля 1879 г. и принадлежитъ, кажется, перу одного изъ редакторовъ этой газеты Г. В. Плеханову:

«По мѣрѣ того, какъ растетъ неурядица нашихъ правителей и защитниковъ порядка, семьи и собственности, революціонные элементы русскаго общества все болѣе и болѣе проникаются сознаніемъ необходимости сплоченной организаціи для борьбы за свои идеи и — знаменательный фактъ — русскіе рабочіе являются піонерами этого движенія.

«Манифестъ ихъ объ основаніи «Сѣв. Союза Рус. Рабочихъ» доказываетъ намъ, что соціализмъ нашелъ среди русскаго пролетаріата не только убѣжденныхъ сторонниковъ, но и людей, способныхъ безъ всякой

---

*) «Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?», вып. I-ый («Библіотека русскаго пролетарія» № 36). Женева 1903 г., стран. 53—55.

посторонней помощи организоваться въ борющуюся партію, способныхъ на самостоятельную иниціативу.

«Сдѣлается ли Сѣверный Союзъ, какъ надѣются его основатели «великимъ союзомъ», который сплотитъ воедино всѣ соціально-революціонные элементы на Руси, или же онъ ограничится болѣе скромной ролью мѣстной группы, очагомъ революціоннаго движенія петербургскихъ рабочихъ и тяготѣющихъ къ нему окрестностей, — во всякомъ случаѣ мы привѣтствуемъ этотъ первый опытъ самостоятельной соціалистической организаціи русскихъ рабочихъ, гласно выступившихъ на борьбу съ эксплуататорами.

«Теперь мы можемъ уже сказать, что великая истина: «*освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*» — отнынѣ становится для русскаго рабочаго не только теоретическимъ положеніемъ, но и лозунгомъ его практической революціонной дѣятельности.

«Движеніе петербургскихъ рабочихъ, выразившееся въ послѣднее время весьма недвусмысленно въ многочисленныхъ стачкахъ, общее критическое положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ — все это заставляетъ насъ сказать нашимъ дорогимъ товарищамъ, основателямъ и членамъ «Сѣв. Союза» — вы выступаете теперь на политическое поприще, какъ нельзя болѣе своевременно, какъ нельзя болѣе кстати.

«Недалекъ тотъ моментъ, когда русскому трудящемуся классу придется не только предъявлять свои права, но и коллективно ихъ отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

«Признавая всю серьезность совершившагося на нашихъ глазахъ явленія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него.

«За короткій періодъ своего существованія «Сѣв. Союзъ» не далъ намъ еще возможности судить его по дѣламъ его (этого, конечно, наши товарищи не примутъ за упрекъ имъ), — передъ нами только его программа и планъ организаціи, мы и остановимся на нихъ.

«Въ теоретической части программы «Сѣв. Союза» мы не видимъ, къ сожалѣнію, полной послѣдовательно развитой системы воззрѣній, а скорѣе смѣшеніе про

граммъ различныхъ западныхъ соціалистическихъ партій.

«Отрицаніе государства и требованіе коммунальной автономіи зачисляетъ нашихъ товарищей въ лагерь соціалистовъ-революціонеровъ, каковыми мы и сами желали бы видѣть членовъ «Сѣв. Союза, — а послѣдующіе параграфы программы прямо взяты изъ катехизиса нѣмецкихъ соціалдемократовъ.

«Вопросу о вліяніи политической свободы въ дѣлѣ борьбы эксплуатируемыхъ съ эксплуататорами посвящается слишкомъ много времени и рѣшается онъ въ программѣ слишкомъ категорически въ утвердительномъ смыслѣ,—а положенія революціонной программы о значеніи пропаганды фактами, объ активной борьбѣ, даже не дебатируются.

«О воззрѣніяхъ «Сѣв. Союза» на этотъ предметъ можно догадываться только потому, что онъ включилъ стачки въ число признанныхъ орудій борьбы и пропаганды.

«Статьи программы, касающіяся городскихъ рабочихъ развиты весьма подробно (по программѣ нѣмецкихъ соціалдемократовъ); говорится и объ отмѣнѣ женскаго и дѣтскаго труда, и о нормальномъ рабочемъ днѣ, — аграрные же вопросы оставлены втуне. Неизвѣстно, намѣренъ-ли «Сѣв. Союзъ» требовать всеобщаго крестьянскаго передѣла земли или же онъ думаетъ подойти къ этому вопросу путемъ послѣдовательныхъ реформъ, въ родѣ отмѣны выкупныхъ платежей за землю, переразверстки надѣловъ и т. д.

«Впрочемъ каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что она программа соціалистовъ, активныхъ дѣятелей, а не пассивныхъ созерцателей гармоніи будущаго.

«Мы знаемъ, что гладкія и послѣдовательныя программы въ наше время сочинять очень легко по готовымъ образцамъ; потому мы и не поставили бы такой программы въ заслугу «Сѣв. Союзу». Самыя несовершенства лежащей передъ нами программы и нелогичности имѣютъ для насъ свою цѣну; они доказываютъ намъ, что она не списана съ чужихъ словъ, а представляетъ собою дѣйствительный самостоятельный первый опытъ формулировать свои убѣжденія,—опытъ,

на которомъ авторы не остановятся, не опочіютъ на лаврахъ, а пойдутъ впередъ.

«Гораздо серьезнѣе ошибки въ организаціонной части программы, такъ какъ они могутъ имѣть роковое значеніе и задушить нарождающуюся организацію.

«Организація Союза—тайная, какъ и слѣдуетъ ей быть по условіямъ нашей жизни, а между тѣмъ, вопросъ о пріемѣ новыхъ членовъ, самый важный для цѣлости организаціи, разработанъ очень слабо. Въ члены принимается желающій по рекомендаціи двухъ членовъ; но не указаны условія, при какихъ можетъ быть человѣкъ рекомендованъ, Достаточно ли, чтобы его знали за соціалиста и добродѣтельнаго человѣка, или кандидатъ долженъ пройти извѣстный искусъ, доказать знающимъ его членамъ не на словахъ, а на дѣлѣ преданность свою организаціи и свою способность работать на пользу дѣла.

«По нашему мнѣнію для молодой организаціи важно не количество членовъ, а крѣпкая круговая порука ихъ, солидарность. Поэтому было-бы желательно, чтобы «Сѣв. Союзъ» разработалъ вопросъ о принятіи новыхъ членовъ основательнѣе и осмотрительнѣе допускалъ-бы новичковъ въ свою среду.

«Далѣе мы видимъ еще важный промахъ. Библіотекой по уставу, завѣдуютъ члены тайнаго комитета, и, въ то же время она открыта не только для членовъ Союза, но для всѣхъ, желающихъ изъ рабочихъ. Значитъ стоитъ шпіону или болтуну прикинуться любознательнымъ человѣкомъ, узнать, гдѣ помѣщеніе библіотеки — и вотъ ему уже извѣстенъ одинъ изъ членовъ комитета, т. е. одно изъ самыхъ дорогихъ лицъ организаціи, которое оно можетъ продать или проболтать околодочному.

«Вотъ все, что мы имѣемъ замѣтить на первый разъ по поводу организаціи Союза.

«Теперь два слова по поводу самаго изложенія и слога манифеста.

«Очевидно онъ предназначается для рабочихъ; но едва ли онъ сослужитъ большую службу дѣлу въ этомъ смыслѣ. Написанъ онъ крайне вычурнымъ и кудреватымъ слогомъ. Безъ словаря иностранныхъ словъ, которыми онъ испещренъ совершенно безъ надобности, его почти невозможно читать; мудреные

обороты затемняютъ смыслъ дѣла и не придаютъ изложенію, ни серьезности, ни доказательности. Это тѣмъ болѣе досадно, что судя по нѣкоторымъ мѣстамъ, авторы могутъ писать просто, увлекательно, съ неподдѣльною страстью и искренностью, трогающими за сердце.

«Между прочимъ, обращаясь въ первый разъ къ собратьямъ съ печатнымъ словомъ, «Сѣв. Союзу» не грѣхъ бы помянуть и тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ рабочихъ, которые своими страданіями, жизнью и смертью положили первые камни соціально-революціоннаго движенія на Руси. Мы говоримъ о Крыловѣ, Малиновскомъ, Петрѣ Алексѣевѣ, Зарубаевѣ и др.

«Кто же будетъ помнить ихъ, когда ихъ не вспомнятъ рабочіе?

«Сдѣлавъ эти замѣчанія, намъ остается только снова привѣтствовать нашихъ товарищей въ ихъ благомъ начинаніи.

«Товарищи, не смущайтесь ни промахами, ни неудачами, ни опастностями, которыя стоятъ на вашемъ пути! Вы развернули знамя — держите его смѣло и крѣпко, не смущайтесь ничѣмъ, даже клеветой своихъ собратій, которые уже успѣли высунуть свое жало противъ васъ при самомъ началѣ вашей дѣятельности.

«Вы понимаете о комъ и о чемъ мы говоримъ.

«Доведете ли вы свое дѣло до конца или сила злобы раздавитъ васъ на полпути, какъ раздавила вашихъ предшественниковъ — все равно: ваше дѣло, ваши жертвы не пропадутъ. Вамъ обезпечено почетное мѣсто на страницахъ исторіи и благодарная память потомства.

«Намъ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что столбцы «Земли и Воли» открыты для вашихъ заявленій и для вашего сотрудничества.

Въ отвѣтъ на разборъ программы, приведенный только что нами, «Союзъ» послалъ въ редакцію большое письмо, въ которомъ отстаивалась политическая борьба и доказывалось все преимущество политической свободы и гражданскихъ правъ. Письмо было напечатано въ послѣднемъ (пятомъ) номерѣ «Земли и Воли» отъ 8 апрѣля 1879 года.

Письмо въ редакцію отъ рабочихъ «Сѣвернаго Союза».

Съ выраженіемъ крайняго сочувствія и одобренія прочли мы ваши краткія, не многословныя, но искреннія и честныя замѣчанія, помѣщенныя въ № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы. Послѣ того, что многимъ изъ насъ пришлось слышать, эти замѣчанія, эта искренность тона, съ какою вы обращаетесь къ намъ, были, признаться, довольно неожиданны. Дѣйствительно, насъ называли выскочками, упрекали въ недомысліи, противорѣчіяхъ, порицали за слогъ, а многіе даже прямо относились съ недовѣріемъ, видя въ нашей программѣ произведеніе интеллигентныхъ рукъ, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не довѣряютъ нашимъ силамъ, до того еще привычка смотрѣть на насъ, какъ на неспособную скотину, вкоренена во многихъ).

«Здѣсь мы не намѣрены особенно касаться тѣхъ или другихъ отзывовъ, слышанныхъ нами, не намѣрены также подробно распространяться по поводу нашей программы; скажемъ только то, что безъ ошибокъ и прорѣхъ ничего не удается сначала, и это особенно относится къ кудреватости слога, за каковую вы справедливо и досадуете на насъ. Дѣйствительно, кудреватость слога—нашъ грѣхъ и мы его беремъ на себя. Поговоримъ теперь о тѣхъ упрекахъ, которые посыпались на наши головы тотчасъ по выходѣ «программы рабочихъ». Главное обвиненіе сводилось къ тому, что въ нашей программѣ замѣчается путанница понятій и воззрѣній на различные оттѣнки революціонной партіи Запада и въ особенности (что-де очень странно) замѣчается смѣшеніе соціалистическихъ требованій съ конституціонными. Мы вѣримъ, что наша программа дѣйствительно должна была вызвать порицанія именно этою стороною, но только мы, со своей стороны, ничего въ ней нелогичнаго не видимъ. Вѣдь собственно говоря, если мы разбираемъ какое нибудь сужденіе, то намъ нужно обратить вниманіе только на то, есть ли въ немъ логика, а не на то—изъ чьихъ мыслей и словъ это сужденіе. Между тѣмъ многіе, какъ видно, именно и обращаютъ свое вниманіе только на послѣднее, и посему въ своихъ замѣчаніяхъ доходили до

того, что требованіе политической свободы нами, рабочими, считали просто нелѣпымъ и не вяжущимся съ вопросомъ объ удовлетвореніи желудка.

«Вотъ здѣсь то, признаться, мы и не видимъ никакой логики, ничего кромѣ недомыслія. Вѣдь высказать подобныя соображенія — значитъ, прямо отказывать намъ даже въ малѣйшемъ пониманіи окружающихъ явленій, значитъ, прямо глумиться надъ нашими мозгами и приписывать разрѣшеніе соціальнаго вопроса однимъ только желудкамъ. Боимся, чтобы при такомъ узкомъ разрѣшеніи мы не пожрали другъ друга... Развѣ мы сами не знаемъ, что лучше быть сытымъ и мечтать о свободѣ, чѣмъ, сидя на пищѣ св. Антонія, добиваться свободы. Но что же дѣлать, если логика желаній и помысловъ уступаютъ передъ нелогичностью исторіи и если политическая свобода является прежде соціальнаго удовлетворенія. Насъ можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу гдѣ-нибудь въ Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни, да назойливаго попа сосѣдняго селенія ничего не вѣдаютъ. Въ этомъ случаѣ наша программа, кромѣ усмѣшки, конечно, ничего бы не вызвала, такъ какъ представленія о Сысойкѣ, умѣющемъ хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободѣ, какъ-то не вяжется. Но въ томъ то и сила, что мы уже вышли изъ условій этой жизни, начинаемъ сознавать происходящее вокругъ насъ, а главное, что и заставило особенно насъ выставить, повидимому чуждыя намъ требованія, мы составляемъ организацію не ради ея самой, а ради дальнѣйшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика въ данномъ случаѣ коротка и проста. Намъ нечего ѣсть, негдѣ жить — и мы требуемъ себѣ пищи и жилища; насъ ничему не учатъ, кромѣ ругательствъ и подпалочнаго подчиненія — и мы требуемъ измѣненія этой первобытной системы воспитанія. Но мы знаемъ, что наши требованія такъ и останутся требованіями, если мы, сложивъ руки, будемъ взирать съ умиленіемъ, какъ наши «державные» и другіе хозяева распоряжаются нашими животами и пускаютъ деревенскихъ собратьевъ по міру. И вотъ мы сплачиваемся, организуемся, беремъ близкое нашему сердцу знамя соціальнаго переворота и вступаемъ на путь

борьбы. Но мы знаемъ также, что политическая свобода можетъ гарантировать насъ и нашу организацію отъ произвола властей, дозволитъ намъ правильнѣе развить свое міровоззрѣніе и успѣшнѣе вести дѣло пропаганды, — и вотъ мы, ради сбереженія своихъ силъ и скорѣйшаго успѣха, требуемъ этой свободы, требуемъ отмѣны разныхъ стѣснительныхъ «положеній» и «уложеній». Такое требованіе тѣмъ болѣе удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунамъ — этимъ дѣятелямъ будущей всероссійской говорилки,— слѣдовательно, на осуществленіе его разсчитывать не такъ трудно. Да не подумаютъ, чтобы и въ самомъ дѣлѣ политическая свобода входила въ наши особенные планы и разсчеты и для нея мы отводили столь же почетное мѣсто, какъ и для основного нашего требованія. Нѣтъ, мы только говоримъ, что такъ было бы лучше, что эта свобода всетаки очень важное условіе для скорѣйшаго переворота и болѣе или менѣе осмысленнаго рѣшенія соціальнаго вопроса; а осмысленность въ движеніи, какъ и сами знаете, есть въ свою очередь опять весьма важное условіе для желаннаго исхода революціи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что ради осмысленности соціальной революціи, мы желали бы ее оттянуть на безконечно-длинное время. Вовсе нѣтъ, мы только говоримъ, что нужно пользоваться всѣмъ, что можно достать, нужно обращать вниманіе на все, что окажетъ услугу въ нашемъ дѣлѣ.

«Гораздо важнѣе для насъ ваши замѣчанія относительно нашихъ недостатковъ и пробѣловъ по аграрному вопросу. Дѣйствительно, мы уже черезъ чуръ увлеклись разсмотрѣніемъ своего городского положенія, черезъ чуръ пропитались духомъ различныхъ программъ Запада, и вотъ оказалось, что для нашей деревни въ своей программѣ мы отвели очень немного мѣста. Но, да извинятъ насъ за этотъ промахъ, тѣмъ болѣе, что забывать деревню — не есть дѣло нашего ума и чувства. Для насъ столько же дорогъ мужичекъ съ его родными лѣсами, какъ и фабричный, а улучшеніе быта перваго даже важнѣе, потому что тогда ни одинъ кулакъ не вызвалъ бы насъ съ своихъ полей служить своему ненасытному брюху. Не мѣсто, конечно, толковать здѣсь, въ чемъ бы мы ни полагали

разрѣшеніе аграрнаго вопроса и улучшенія быта крестьянина. Мы знаемъ, что съ него дерутъ все, что можно содрать, отнимаютъ все, что можно отнять въ видѣ податей, повинностей, оброковъ и поборовъ, въ «пользу» да «на пользу». И все это, конечно, взимается, какъ и слѣдуетъ по закону. Знаемъ также, что у нашего крестьянина нѣтъ ни порядочныхъ школъ, ни училищъ, ничего такого, чтобы хоть мало-мальски могло развить его духовную сторону. И это также въ порядкѣ вещей; потому, если на христолюбивое воинство и на различныя затѣи царскихъ потѣшниковъ и скомороховъ издерживаются сотни милліоновъ, то на образованіе и не откуда брать болѣе 13-ти. Но самое главное, что гнететъ нашего мужика, такъ это недостатокъ земли. Дадутъ ему двѣ десятины, много три-четыре песку, пожелаютъ при семъ всѣхъ благъ и оставятъ на произволъ судьбы. «На, молъ, хоть виноградъ сѣй; вмѣшиваться въ хозяйство не станемъ, лишь бы денежки къ сроку.» Ну вотъ и сѣетъ онъ виноградъ въ потѣ лица, чтобы потомъ «для вкуса» пересыпать его мякиной или деревесной корой. И платитъ за этотъ подарокъ крестьянская семья 18—25 руб., а на помѣщичьихъ земляхъ—такъ и всѣ 40 руб. И это за какія нибудь 7 — 10 десятинъ песку да нѣсколько дѣсятинъ лѣсныхъ и луговыхъ угодій. Хорошо если еще какая скотина есть, а то хоть «взвой да бѣги». Посему—увеличеніе надѣловъ сообразно потребностямъ семьи, насчетъ незанятыхъ и помѣщичьихъ земель, узаконеніе только тѣхъ повинностей, которыя прямо идутъ на удовлетвореніе нуждъ и потребностей крестьянской общины и на устройство школъ и сельскохозяйственныхъ училищъ, — вотъ что въ общихъ чертахъ можемъ добавить къ своей программѣ и выставить съ своей стороны необходимыми требованіями.

«Теперь выскажемъ нѣсколько словъ по поводу вашихъ искреннихъ опасеній за цѣлость и сохранность нашихъ членовъ и нашей молодой организаціи.

«Смѣемъ васъ увѣрить, что эти опасенія неосновательны, и намъ едва-ли можетъ угрожать что-нибудь больше, чѣмъ и вамъ. Если 10 лѣтъ тому назадъ нашей полиціи не удалось покончить съ горстью соціалистовъ, то тѣмъ болѣе теперь. Нѣтъ, у насъ не родилось такой синей чуйки, которая бы имѣла смѣ-

лость перевѣшать насъ всѣхъ на одной осинѣ, нѣтъ ни одного еще такого жандармскаго глаза, который могъ бы отличить соціалиста отъ простого смертнаго. Важенъ былъ только починъ; но онъ сдѣланъ, и теперь едва-ли, что способно заглушить ту идею, которая соединила насъ воедино и тѣмъ болѣе вѣроятно, что уже теперь мы насчитываемъ членовъ «Союза» только въ Питерѣ около 200 человѣкъ, не говоря о другихъ 200 человѣкъ, на которыхъ вполнѣ можно положиться и которые не сегодня такъ завтра, сдѣлаются нашими сочленами.

«Точно то же можемъ сказать и относительно рѣшенія — выдавать книги всѣмъ рабочимъ безъ исключенія, какъ рѣшенія, не противорѣчащаго чувству самосохраненія. Въ библіотеку вхожи только люди вполнѣ испытанные и надежные, и потому про мѣсто нахожденія ея знаютъ сравнительно очень немногіе. На этихъ немногихъ лежитъ уже отвѣтственность передъ библіотекой и самими собой.

«Книги, передаваемыя членами въ руки знакомыхъ и далѣе, весьма мало могутъ сказать любопытному ищейкѣ. Скорѣе такая передача будетъ носить на себѣ характеръ частнаго пользованія. Правда, отъ этого библіотека терпитъ иногда значительный ущербъ, книги теряются, но что же дѣлать?

«Со временемъ, когда подробнѣе опредѣлятся условія выдачи книгъ, можно будетъ избѣгать и этого недостатка.

«Выше мы сказали, что число членовъ «Союза» достигаетъ въ настоящее время до 200 чел., т. е. въ составъ организаціи вошли наиболѣе дѣятельные, наиболѣе выдающіеся рабочіе-соціалисты Петербурга. Избраніе въ члены никакимъ особеннымъ «искусомъ» не обусловливается, и исключительное вниманіе обращается лишь на то, чтобы оно удовлетворяло основнымъ положеніямъ программы о принятіи въ члены. Правда, при значительномъ количествѣ членовъ, не такъ-то легко достается сближеніе, не такъ ясно для многихъ представляются самыя цѣли, къ которымъ рѣшено стремиться (о чемъ говорите и вы), не такъ, наконецъ, дружно можетъ приводиться въ исполненіе извѣстное рѣшеніе; но наши воззрѣнія на организацію таковы, что количественное превосходство не

должно мѣшать качеству энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ и что, напротивъ, рѣшающее значенiе этихъ послѣднихъ будетъ воспитательнымъ образомъ отражаться на всѣхъ. Первоосновная цѣль наша — организовать рабочiя силы и отвести имъ надлежащее мѣсто для дѣятельности; посему различные оттѣнки мнѣнiй, а также характеръ и направленiе соцiалистической дѣятельности, клонящейся въ конечномъ результатѣ къ одному и тому же, для насъ не должны имѣть особеннаго значенiя.

«Какъ думаемъ мы вести борьбу, въ чемъ проявлять свою силу и какой именно программы придерживаться въ окончательной формѣ — обо всемъ этомъ надѣемся поговорить въ свое время, когда будемъ имѣть возможность вѣрнѣе намѣтить свой путь и обстоятельнѣе опредѣлить свои непосредственныя цѣли. Теперь же скажемъ только, что при слабости еще организацiи, при недостаткѣ энергичныхъ боевыхъ силъ, наша дѣятельность въ массѣ будетъ носить на себѣ характеръ пропаганды и мирной агитацiи въ средѣ рабочаго и крестьянскаго люда. Но этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что болѣе или менѣе открытая борьба, какъ активное участiе и агитацiя во время стачекъ, исключается пока изъ нашей программы дѣйствiй. Напротивъ, мы должны пользоваться всѣми удобными моментами, всѣми случаями, гдѣ бы могли открыто заявлять свою силу, какъ единичную, такъ и массовую. Если вы понимаете насъ, и если сознаете всю важность правильной постановки и рѣшенiя вопросовъ въ дѣлѣ нашей организацiи, то и не будете слишкомъ требовательны къ намъ, какъ, повидимому, желалось бы многимъ. Всѣ эти и тому подобные вопросы, въ которыхъ весь «Союзъ» заинтересованъ такъ близко, мы намѣривались разобрать на столбцахъ своей газеты, гдѣ между прочимъ постарались бы развить и сущность нашей программы. Но, къ сожалѣнiю, это желанiе, близкое было уже къ осуществленiю, по обстоятельствамъ, отъ насъ не зависящимъ, такъ и осталось пока желанiемъ. Мы лишились посему на время одного изъ самыхъ важныхъ рычаговъ нашей агитацiонной дѣятельности — печатнаго слова и лишили въ то же время рабочую и кре-

стьянскую массу той пищи, въ какой она теперь наиболѣе нуждается.

«Сотоварищи! вы знаете, насколько важна въ настоящее время эта пища, о какой мы говоримъ, но вы знаете также, что вашъ органъ «Земля и Воля» не можетъ служить ею для массы. Поэтому съ искреннимъ сочувствіемъ мы отнеслись къ дошедшему до насъ слуху, что вы намѣрены въ скоромъ времени выпустить въ свѣтъ народную соціалистическую газету.

Пожелаемъ же вамъ отъ лица всего «Союза» полнаго успѣха въ этомъ благородномъ и дорогомъ для всѣхъ насъ начинаніи».

Организація «Союза» была слѣдующая: Петербургъ дѣлился на рабочіе кварталы; въ каждомъ кварталѣ были кружки, которые составляли мѣстную вѣтвь «Союза». Эти вѣтви имѣли каждая свою кассу и конспиративную квартиру. Для завѣдованія дѣлами мѣстной вѣтви избирался небольшой комитетъ, члены котораго были въ то же время членами Центральнаго Комитета «Союза». Центральный Комитетъ собирался два раза въ недѣлю, и на засѣданіяхъ его рѣшались общія дѣла «Союза». Въ завѣдованіи его находилась особая касса и и библіотека «Союза».

Практика показала, что собранія Центральнаго Комитета слишкомъ рѣдки даже для рѣшенія однихъ общихъ дѣлъ «Союза». «Занятые работой *) и живущіе въ различныхъ частяхъ города, а иногда и за городомъ, члены Центральнагс Комитета не могли встрѣчаться чаще. Но въ промежутокъ времени между двумя его собраніями могли совершаться событія, требовавшія немедленнаго дѣйствія со стороны Союза. Какъ поступить въ такомъ случаѣ, уставъ не говорилъ. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильнѣ, до очередного собранія Центральнаго Комитета оставалось два дня. Халтуринъ, тотчасъ узнавшій о ней очутился въ очень затруднительномъ положеніи: стачка могла быть легко подавлена полиціей еще до очередного собранія; а между тѣмъ, чтобы

*) Плехановъ «Русскій раб. въ револ. движеніи» стр. 45.

объгать*) всѣхъ членовъ Центральнаго Комитета и созвать ихъ на чрезвычайное собраніе надо было тоже не менѣе двухъ дней».

Халтуринъ, желая придать «Союзу» бо̀льшую подвижность, убѣдилъ своихъ товарищей выбрать особый распорядительный комитетъ; этотъ комитетъ имѣлъ право въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ не ждать очередного собранія Центральнаго Комитета и дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Въ этотъ распорядительный комитетъ входило всего нѣсколько членовъ, а потому ему легко было въ случаѣ нужды быстро собраться.

Мечтою Халтурина было изданіе чисто рабочей газеты: о ней говорилось уже въ «Письмѣ въ редакцію отъ рабочихъ «Сѣвернаго Союза», напечатанномъ въ № 5 «Земли и Воли». Не смотря на массу самыхъ непредвидѣнныхъ затрудненій Халтурину и Обнорскому удалось поставить типографію. Редакторомъ газеты общее собраніе «Союза» избрало Степана Халтурина, который и составилъ первый номеръ. Онъ былъ уже набранъ и даже отпечатанъ, но распространить его не удалось, такъ какъ и типографія, и газета были арестованы правительствомъ. Эта газета называлась по однимъ свѣдѣніямъ «Заря Рабочаго», по другимъ «Рабочая Заря»**).

«Союзъ» не думалъ ограничиться Петербургомъ и Москвою, онъ мечталъ раскинуть сѣти своей организаціи по всей Россіи, создать «единую и стройную всероссійскую рабочую организацію». Особенно стремился осуществить эту мечту Халтуринъ, но недостатокъ боевыхъ силъ и частые провалы много вредили въ этомъ отношеніи «Союзу».

Эти частые провалы происходили потому, что въ организацію «Союза» проникли провокаторы: Н. В. Рейнштейнъ и его жена. Первый дѣйствовалъ въ Москвѣ, вторая въ Петербургѣ, и они оба знали всѣ намѣренія «Союза», число его членовъ и разныя другія подробности. Рейнштейнъ былъ убитъ***) уже 26 февр.

---

*) Извѣстно, что къ почтѣ русскіе революціонеры, по понятной причинѣ, прибѣгаютъ очень неохотно.

**) По словамъ Плеханова эта газета набиралась значительно позже, уже во время пребыванія Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ.

***) См. «Листокъ Земли и Воли». № 1 отъ 12 марта 1879 г.

1879 г., революціонеры убившіе его скрылись и не были розысканы правительствомъ, но предательство сдѣлало уже свое дѣло. Викторъ Обнорскій и многіе изъ его товарищей наиболѣе дѣятельные были арестованы. В. Обнорскій, П. Н. Петерсонъ и А. П. Смирновъ были приговорены по этому дѣлу къ 10 годамъ каторжныхъ работъ каждый. Халтуринъ уцѣлѣлъ въ числѣ очень немногихъ опытныхъ и дѣятельныхъ членовъ Союза, но ударъ былъ слишкомъ силенъ и «Союзъ» не смогъ оправиться послѣ провала. Ударъ былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что душа «Союза» Степанъ Халтуринъ сталъ увлекаться терроромъ. Уже съ осени 1879 г. онъ входитъ въ дѣловыя сношенія съ народовольцами.

«Александръ II долженъ быть убитъ рабочимъ; пусть не думаютъ русскіе цари, что рабочіе—болваны, не понимающіе ихъ истиннаго значенія для народа».

Такъ говорилъ Халтуринъ, а для него слово никогда не расходилось съ дѣломъ. Разъ онъ дошелъ до мысли, что императоръ долженъ быть убитъ рукой рабочаго — то прежде всего поставилъ свою кандидатуру для исполненія этого отвѣтственнаго дѣла. Онъ предложилъ «Исполнительному Комитету Народной Воли» свои услуги и почти выработанный планъ дѣйствія. Дѣло шло о взрывѣ всей царской фамиліи въ Зимнемъ дворцѣ. Исполнительный Комитетъ согласился на его предложеніе; Халтуринъ поступилъ во дворецъ столяромъ. Сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ онъ велъ главнымъ образомъ черезъ Желябова; кромѣ того, ему помогали Кибальчичъ, Квятковскій и Исаевъ. Съ октября 1879 г. вплоть до самаго взрыва, 5-го февраля 1880 г. Халтуринъ цѣликомъ отдался минированію Зимняго дворца.

Его дѣятельность, во дворцѣ. его крайнее хладнокровіе, равнодушіе передъ смертельной опасностью, смѣлость и самоотверженная работа во имя освобожденія рабочихъ отъ политическаго и экономическаго гнета современнаго строя, ярко выступаютъ изъ воспоминаній автора статьи въ и Календарѣ Народной Воли на 1883 г».: «Пребываніе Халтурина въ Зимнемъ дворцѣ». Эта статья тѣмъ болѣе интересна и заслуживаетъ вниманія, что она составлена на основаніи разсказовъ разныхъ лицъ, лично слышавшихъ повѣ-

ствованія объ этомъ событіи какъ отъ самого Халтурина, такъ и отъ его ближайшаго помощника Желябова.

Первое время по вступленіи Халтурина на службу во дворецъ прошло почти исключительно въ развѣдкахъ.

«Царь въ это время проживалъ еще въ Ливадіи, и во дворцѣ по этому случаю все было свободно, безъ стѣсненій, безъ присмотра. Нравы и обычаи новыхъ сотоварищей поражали Халтурина. Прежде всего удивителенъ былъ безпорядокъ въ управленіи. Распущенность прислуги и страшное повальное воровство сверху до низу превосходили всякое вѣроятіе. Дворцовые товарищи Халтурина устраивали у себя пирушки, на которыя свободно приходили, безъ контроля и надзора, десятки ихъ знакомыхъ. Въ то время, какъ съ парадныхъ подъѣздовъ во дворецъ не было доступа самымъ высокопоставленнымъ лицамъ, черные ходы, во всякое время дня и ночи, были открыты для всякаго трактирнаго знакомца самаго послѣдняго дворцоваго служителя. Нерѣдко посѣтители оставались и ночевать во дворцѣ... Халтуринъ, поступившій во дворецъ съ фальшивымъ паспортомъ, въ конторѣ числился крестьяниномъ Олонецкой губерніи, и старался розыгрывать роль простяка. Онъ всюду удивлялся, обо всемъ разспрашивалъ. Его учили придворнымъ порядкамъ какъ говорить, какъ отвѣчать, какъ себя держать... Неотесанному мужику всякій старался пустить пыль въ глаза, и изъ множества разсказовъ Халтуринъ скоро познакомился съ жизнью даже и верхнихъ этажей дворца.

«Что касается самаго зданія, то Халтуринъ, конечно, скоро съ нимъ вполнѣ ознакомился. Съ любопытствомъ осматривалъ онъ царскіе покои... Познакомившись съ расположеніемъ комнатъ, Халтуринъ убѣдился, что подвалъ, гдѣ живутъ столяры, а въ томъ числѣ и онъ, находится какъ разъ подъ царской столовой, а въ среднемъ этажѣ между подваломъ и столовой помѣщается кордегардія дворцоваго караула. Обстоятельства такимъ образомъ складывались благопріятно для замысловъ Халтурина; но, несмотря на это, онъ не могъ приступить ни къ какимъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ въ это время во дворцѣ

началась усиленная уборка, чистка, вообще работа. Царь долженъ былъ скоро пріѣхать, и во дворцѣ засуетились. Халтуринъ былъ заваленъ работою и, какъ лучшій столяръ, работалъ главнымъ образомъ въ царскихъ покояхъ, въ кабинетѣ и т. д., между прочимъ и въ столовой, которую собирался взорвать. Выходить изъ дворца было некогда, работать надъ «своей» работой тоже. Въ общей сложности вышло, что первоначальный планъ Исполнительнаго Комитета — превратить дворецъ въ резервный пунктъ, на случай неудачи въ другихъ мѣстахъ, не осуществился. Въ Одессѣ, Александровскѣ, Москвѣ, ко времени отъѣзда царя изъ Крыма, все было готово для его встрѣчи. Но дворецъ оставался совершенно невооруженнымъ.

«Настала середина ноября. Царь выѣхалъ изъ Крыма сухимъ путемъ. Одесса, стало быть, осталась въ сторонѣ. Затѣмъ въ Александровскѣ произошла осѣчка, въ Москвѣ промахъ. Зимній дворецъ долженъ былъ молчаливо принять въ свои покои высокаго гостя. Но за то, очевидно, съ этого момента дворецъ сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе революціонеровъ. Минированіе царскаго жилища естественно должно было быть поведено самымъ энергичнымъ образомъ. Однако въ это именно время произошелъ арестъ Квятковскаго съ захватомъ у него плана Зимняго дворца, на которомъ (планѣ) царская столовая была помѣчена крестомъ. Обстоятельство это подвергало страшному риску все дѣло, а Халтурина въ частности поставило въ истинно каторжное положеніе.

«Планъ дворца, захваченный на такой квартирѣ, — заставляетъ встрепенуться дворцовую полицію. Начались строгости. Но хуже всего подѣйствовалъ крестъ на столовой. Что онъ означаетъ? Полиція государственная и дворцовая ломали себѣ голову и, хотя въ точности не могли разобрать дѣла, но не могли не почуять какой то опасности. Всѣ покои, прилегающіе къ столовой, сверху, снизу и съ боковъ подверглись осмотру и самому тщательному надзору. Дворцовая полиція была усилена. Въ подвалѣ, гдѣ жили столяры поселился жандармъ. Полковникъ, завѣдующій дворцовой полиціей, ввелъ систему внезапныхъ обысковъ, дневныхъ и ночныхъ. Халтуринъ, который

уже успѣлъ перенести къ себѣ нѣкоторое количество динамита, въ первый разъ былъ страшно встревоженъ обыскомъ. Ночью, когда уже всѣ спали, двери подвальнаго помѣщенія вдругъ отворяются. Полковникъ въ сопровожденіи жандармовъ быстро входитъ. Звукъ шпоръ. бряцаніе сабель, наконецъ, приказаніе полковника встать — разбудили столяровъ. Халтуринъ считалъ себя погибшимъ. Не зная еще о систематическихъ обыскахъ, только что введенныхъ, онъ, конечно, могъ отнести ночное посѣщеніе только на свой счетъ. А у него лежалъ подъ подушкой динамитъ... Однако дѣло обошлось благополучно. Порывшись слегка въ вещахъ рабочихъ, заглянувши въ разные углы, охранители царскаго жилища съ такимъ же громомъ, звономъ и сверканіемъ удалились для обыска другихъ помѣщеній, а Халтуринъ только тутъ повѣрилъ, что онъ еще не провалился. Съ тѣхъ поръ обыски въ разное время стали повторяться все чаще. Но такъ какъ они большею частью были довольно поверхностны, то Халтуринъ ихъ еще не очень боялся. Гораздо хуже было то, что обыску стали подвергать всѣхъ рабочихъ, возвращающихся во дворецъ изъ какихъ-либо отлучекъ. Какъ при такихъ условіяхъ переносить на себѣ динамитъ? Вообще свободный входъ и выходъ всякой прислуги чрезвычайно стѣснили. Всѣ, живущіе во дворцѣ, обязаны были постоянно имѣть при себѣ свой значекъ (мѣдная бляха), отлучки контролировались, возвращавшіеся обыскивались. Посѣщенія постороннихъ стали невозможны.

«При такихъ то условіяхъ нужно было переносить во дворецъ динамитъ и устраивать мину. Желябовъ *), смѣнившій Квятковскаго въ сношеніяхъ Халтурина съ Исполнительнымъ Комитетомъ, лихорадочно торопилъ дѣло минированія, но оно все-таки подвигалось черепашьимъ шагомъ. Не было никакой возможности проносить динамитъ иначе, какъ небольшими кусками, каждый разъ изобрѣтая разныя хитрости, чтобы избѣжать осмотра или обмануть бдительность осматривающихъ. Съ другой стороны, нельзя было и отлучаться изъ дворца слишкомъ часто. При всемъ желаніи, покончить наконецъ, съ такимъ мучительнымъ положе-

*) По тѣмъ же свѣдѣніямъ, переданнымъ со словъ Халтурина.

ніемъ, Халтуринъ могъ наполнить свою мину очень медленно. Впрочемъ, въ сущности это вовсе и не была мина, потому что, при существующихъ тогда условіяхъ, Халтуринъ не могъ сдѣлать почти никакихъ приспособленій для направленія силы взрыва. Онъ сперва держалъ свой динамитъ просто подъ подушкой, испытывая отъ этого страшныя головныя боли. Извѣстно, что нитроглицеринъ — вещество крайне ядовитое, довольно сильно испаряется и отравляетъ кровь даже черезъ вдыханіе этихъ испареній, производя нервное растройство и головныя боли, которыхъ ничѣмъ нельзя облегчить. Потомъ, когда динамиту набралось много, Халтуринъ перемѣстилъ его въ свой сундукъ, заложивши разными вещами. Такимъ образомъ роль мины игралъ простой сундукъ. Затѣмъ по совѣту техниковъ Халтуринъ придвинулъ его возможно ближе къ углу мжеду двумя капитальными стѣнами, чтобы имѣть наиблѣе шансовъ обрушить столовую. Для воспламенѣнія же динамита сразу рѣшено было прибѣгнуть къ трубкамъ, начиненнымъ особымъ составомъ, который могъ горѣть и при отсутствіи воздуха. Само собой разумѣется, трубки были разсчитаны на то время, которое требовалось для того, чтобы выйти изъ дворца, на столько-то минутъ. Вотъ и всѣ нехитрыя приспособленія, какія возможно было сдѣлать. Что же касается помѣщенія мины въ стѣну и т. п., то объ этомъ не стоило даже фантазировать. Риску на каждомъ шагу и каждую секунду и безъ того было достаточно.

«Вообще положеніе Халтурина было самое непріятное. Постоянно слѣдя за собою и за всѣмъ окружающимъ, ему нужно было въ то же время тщательно скрывать свое напряженное душевное состояніе, казаться беззаботнымъ. Между тѣмъ Халтуринъ отъ природы человѣкъ крайне нервный и впечатлительный. Чахотка, которая у него развилась все больше, еще усиливала эту нервность, не говоря уже о томъ, что самое положеніе, безпрерывная опасность, безпрерывная хитрость, безпрерывный переходъ отъ тревоги къ надеждѣ,—все это страшно раздражало нервы. Нужно было постоянное напряженіе всѣхъ силъ воли для того, чтобы не выдавать своего волненія и всей внутренней борьбы душевной. Во что обошлась Халтурину эта игра, про то знаетъ только онъ одинъ. Но

въ концѣ концовъ онъ выдержалъ роль превосходно. Подозрительность носилась въ дворцовомъ воздухѣ, всеобщая мнительность готова была привязаться къ малѣйшему обстоятельству. Но Халтурина никто все таки не заподозрилъ. Даже жандармъ, поселенный въ одной комнатѣ со столярами, почувствовалъ къ Халтурину особую симпатію и все обучалъ его «благородному обхожденію». «Ну чего ты руки въ затылокъ тычешь, выговаривалъ онъ, съ тобой господинъ полковникъ говорятъ, а ты руку въ затылокъ. Эхъ, ты, деревня! Нужно, братецъ ты мой, по благородному...» Жандармъ впрочемъ имѣлъ свои виды; онъ помышлялъ о приличной партіи для своей дочери и остановилъ свой выборъ на молодомъ столярѣ. Халтуринъ съ своей стороны не отказывался прямо. хотя и не особенно поощрялъ намеки старика. Вообще же эта неожиданная исторія сослужила ему хорошую службу. Впрочемъ Халтурина и безъ того никто не заподозривалъ. По прежнему ему поручались работы въ царскихъ комнатахъ. Дѣлалось это, конечно, въ отсутствіи царя, но однажды случилось. что царь возвратился не въ срокъ, Халтурина не успѣли вывести, и Александръ II неожиданно столкнулся со своимъ врагомъ. Это былъ единственный случай встрѣчи ихъ за все время, но онъ все таки показалъ Халтурину, какъ далеки во дворцѣ отъ всякихъ подозрѣній относительно его. А между тѣмъ разговоры о соціалистахъ (ихъ такъ и называли тамъ) шли между полиціей и прислугой постоянно. Жандармы часто напоминали рабочимъ о злоумышленникахъ, о планѣ, найденномъ у Квятковскаго и внушали, что нужно смотрѣть въ оба, что крестъ стоялъ на планѣ не даромъ и во дворцѣ навѣрное гдѣ нибудь кроется измѣна. Эти рѣчи возбуждали всеобщую подозрительность, хотя, надо сказать, соціалисты рисовались нижнимъ этажамъ дворца, въ довольно фантастическомъ свѣтѣ. «Вотъ хотѣлось бы взглянуть на кого нибудь изъ нихъ, говоритъ, напримѣръ, одинъ служитель; хоть бы встрѣтить на улицѣ что-ли!» — «Да вѣдь какъ же ты его узнаешь, возражаетъ Халтуринъ, развѣ на немъ написано». — «Не узнаешь? Эхъ ты, деревня! Его сейчасъ видно. Онъ, братъ, идетъ, такъ сторонись. Того гляди, пырнетъ. Ничего не

боится, глядитъ высоко, видъ у него отчаянный... Его, братъ сразу признаешь!» По такимъ примѣтамъ, разумѣется, не легко было узнать Халтурина, и онъ продолжалъ свое дѣло, при общемъ довѣріи, получивши даже къ празднику (на Рождество) 100 руб. награды.

«А дѣло уже шло къ развязкѣ. Около трехъ пудовъ динамиту было перенесено въ сундукъ. По разсчетамъ техниковъ, этого казалось достаточно для того, чтобы взорвать столовую, не произведя въ другихъ частяхъ дворца безполезнаго опустошенія. Вообще со стороны Желябова, слѣдившаго за ходомъ дѣла, постоянно сказывалось желаніе — по возможности уменьшить число жертвъ. Халтуринъ, напротивъ, не хотѣлъ этого принимать въ соображеніе. Онъ доказывалъ, что число жертвъ все равно будетъ огромное. «Человѣкъ 50 перебьешь безъ сомнѣнія, говорилъ онъ; — такъ ужъ лучше класть побольше динамиту, чтобы хоть люди не даромъ пропадали, чтобъ навѣрное свалить и *самого* *) и не устраивать новаго покушенія». Страшный рискъ при переноскѣ динамита, и постоянно усиливающаяся строгость надзора во дворцѣ заставляли однако дѣйствительно торопиться. Сверхъ того были даже слухи, что столяровъ переведутъ куда-то. Мнѣніе Желябова естественно, въ силу обстоятельствъ восторжествовало. Рѣшено было дѣйствовать при данномъ количествѣ динамита, какъ только представится случай.

«Благопріятный случай этотъ требовалъ совпаденія двухъ обстоятельствъ. Нужно, чтобы царь находился въ столовой, а Халтуринъ въ подвалѣ — безъ всякаго надзора. Въ столовой царь обѣдалъ ежедневно, хотя съ нѣкоторыми колебаніями во времени, такъ на полчаса раньше или позже. Что касается столяровъ и жандарма, то ихъ отсутствіе зависѣло отчасти отъ распредѣленія дежурства въ работѣ, отчасти же отъ простой случайности. Совпаденіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій происходило однако не такъ часто, и когда въ началѣ февраля Халтуринъ долженъ былъ «дѣйствовать», то нѣсколько дней испытывалъ посто-

*) Эти свѣдѣнія передаются въ одинаковомъ смыслѣ со словъ и Желябова, и Халтурина. Халтуринъ всегда потомъ жаловался, что его не послушали и испортили дѣло.

янныя неудачи. Онъ въ это время каждый день, послѣ времени предполагаемаго взрыва долженъ былъ видѣться съ Желябовымъ, чтобы сообщать объ исходѣ: такъ какъ въ случаѣ удачи ему слѣдовало скрыться при помощи Желябова. Они встрѣчались на площади, въ темнотѣ не всегда здороваясь. Халтуринъ мрачный и злой, проходилъ быстро мимо, произнося нервнымъ шопотомъ «нельзя было...» «ничего не вышло...» Эти отвѣты Желябовъ слышалъ нѣсколько дней сподрядъ. Наконецъ, 5-го февраля, Халтуринъ, замѣчательно спокойный, поздоровался съ нимъ, и словно фразу изъ самаго обычнаго разговора произнесъ: «готово»... *) Черезъ секунду страшный грохотъ подтвердилъ его слова. Мину взорвало. Огни во дворцѣ потухли. Черная Адмиралтейская площадь стала какъ будто еще темнѣе. Но что скрывалось за этой темнотою тамъ — на другомъ концѣ площади? Ни Желябовъ, ни Халтуринъ не могли ждать разъясненій, несмотря на жгучее любопытство. Ко дворцу сходились люди, прибѣжали пожарные. Что-то выносили оттуда: это трупы и раненые. Ихъ казалось ужасно много. Но что съ самимъ виновникомъ этой бойни, съ Александромъ II?

«Желябовъ и Халтуринъ быстро удалились. Для послѣдняго уже готово было вѣрное убѣжище, на сколько, конечно, они вообще существуютъ въ Россіи. И только по прибытіи туда нервы Халтурина будто сразу размякли. Усталый, больной, онъ едва могъ стоять и только немедленно справился, есть ли въ квартирѣ достаточно оружія. «Живой я не отдамся!» говорилъ онъ. Его успокоили: квартира была защищена такими же динамитными бомбами.

«Извѣстіе о томъ, что царь спасся, подѣйствовало на Халтурина самымъ угнетающимъ образомъ. Онъ свалился совсѣмъ больной и только разсказы о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ 5-го февраля на всю Россію, могли его нѣсколько утѣшить, хотя никогда онъ не могъ примириться со своей неудачей и не простилъ Желябову того, что называлъ его ошибкой».

---

*) Все это передано со словъ Желябова, который былъ, по нашимъ свѣдѣніямъ, просто восхищенъ самообладаніемъ Халтурина.

По поводу этого этого взрыва въ Зимнемъ дворцѣ Исполнительный Комитетъ издалъ 7 февраля 1880 г. прокламацію съ извѣщеніемъ и объясненіемъ случившагося:

«По постановленію Исполнительнаго Комитета 5-го февр., въ 6 час. 22 мин. вечера, совершено новое покушеніе на жизнь Александра-Вѣшателя посредствомъ взрыва въ Зимнемъ Дворцѣ. Зарядъ былъ разсчитанъ вѣрно, но царь опоздалъ на этотъ разъ къ обѣду на полчаса, и взрывъ засталъ его на пути въ столовую. Такимъ образомъ, къ несчастію родины, царь уцѣлѣлъ.

«Съ глубокимъ прискорбіемъ смотримъ мы на погибель несчастныхъ солдатъ царскаго караула, этихъ подневольныхъ хранителей вѣнчаннаго злодѣя. Но... пока армія будетъ оплотомъ царскаго произвола, пока она не пойметъ, что въ интересахъ родины ея священный долгъ—стать за народъ противъ царя,—такія трагическія столкновенія неизбѣжны.

«Еще разъ напоминаемъ всей Россіи, что мы начали вооруженную борьбу, будучи вынуждепы къ этому самимъ правительствомъ, его тиранническимъ и насильственнымъ подавленіемъ всякой дѣятельности, направленной къ народному благу. Правительство само становится преградой на пути свободнаго развитія народной жизни. Оно само становитъ каждаго честнаго человѣка въ необходимость или отказаться отъ всякой мысли служить народу, или вступить въ борьбу на смерть съ представителями современнаго государства.

«Объявляемъ еще разъ Александру II, что эту борьбу мы будемъ вести до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ своей власти въ пользу народа, пока онъ не предоставитъ общественное переустройство всенародному Учредительному Собранію, составленному свободно, снабженному инструкціями отъ избирателей. А пока первый шагъ въ дѣлѣ освобожденія родины по прежнему стоитъ задачей передъ нами, и мы разрѣшимъ ее во что бы то ни стало.

«Призываемъ всѣхъ русскихъ гражданъ помочь намъ въ этой борьбѣ противъ безсмысленнаго и без-

человѣчнаго произвола, подъ давленіемъ котораго погибаютъ всѣ лучшія силы отечества.

Исполнительный Комитетъ.»

Угнетенный своей неудачей Халтуринъ уѣхалъ на югъ Россіи, гдѣ около двухъ лѣтъ занимался пропагандой среди рабочихъ, но чрезвычайное осадное положеніе, введенное въ Одессѣ, а особенно дѣятельность Стрѣльникова, назначеннаго Александромъ III производить слѣдствія по политическимъ дѣламъ на всемъ югѣ Россіи и снабженнаго особыми полномочіями, вскорѣ стало сильно мѣшать Степану. Онъ извѣстилъ объ этомъ «Исполнительный Комитетъ», который и поручилъ ему организовать убійство всесильнаго и всѣмъ ненавистнаго прокурора. Порученіе это было удачно выполнено 18 марта 1882 года Халтуринымъ и его товарищемъ Желваковымъ.

Подробности объ этомъ убійствѣ мы находимъ въ корреспонденціи изъ Одессы, напечатанной въ № 3 «На родинѣ», въ 1883 году:

«18-го марта г. Стрѣльниковъ, пообѣдавши по обыкновенію во французскомъ ресторанѣ, вышелъ на бульваръ для обычной послѣобѣденной прогулки, и пройдясь нѣсколько разъ по средней аллеѣ, сѣлъ на скамейку у прохода изъ крайней аллеи на среднюю, отъ которой она отдѣляется изгородью, окружающей рядъ деревьевъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ одинъ подозрительный субъектъ, который въ Новороссійскомъ университетѣ выдавалъ себя то за студента Энгельгарда, то за вольнослушателя Смирнова. Когда Желваковъ, все время слѣдившій за Стрѣльниковымъ, подходилъ къ скамейкѣ, нащупывая въ карманѣ револьверъ, Стрѣльниковъ всталъ и пересѣлъ на сосѣднюю скамейку, оглядывая въ полъ оборота среднія аллеи. Желваковъ остановился у конца изгороди, за которой сидѣлъ Стрѣльниковъ, вынулъ револьверъ и, прицѣлившись въ правую сторону затылка, спустилъ курокъ. Голова Стрѣльникова мгновенно склонилась на правый бокъ и оперлась о спинку скамейки. Публика такъ и замерла на мѣстѣ: никто не шевельнулся даже и тогда, когда черезъ мгновеніе на крайней аллеѣ появился человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ и, пере-

прыгнувъ черезъ изгородь, пустился внизъ по крутому спуску къ Гаванной улицѣ. Онъ поровнялся уже съ зданіемъ думы, когда Смирновъ, подбѣжавъ къ краю аллеи и махая руками сталъ кричать внизъ: «ловите! держите!... убили среди бѣла дня!...» Тогда ожила и публика на бульварѣ; послышались голоса: «за докторомъ!»... Одна барыня рѣшилась даже подойти къ Стрѣльникову и приложить платокъ къ ранѣ, но ея заботы оказались напрасными: онъ былъ уже мертвъ. Черезъ нѣсколько минутъ появился Гурко (роковая скамейка стоитъ какъ разъ противъ его дворца) и воскликнувъ — «какіе безпорядки!», приказалъ отнести еще теплый трупъ Стрѣльникова въ ближайшую больницу. Появилась, наконепъ, и полиція, начавшая свою дѣятельность съ отобранія адресовъ у присутствующихъ.

«Жеваковъ между тѣмъ бѣжалъ внизъ, отстрѣливаясь отъ нагонявшихъ его или пытавшихся преградить ему путь. Всѣ, кто видалъ этотъ бѣгъ и эту необычайную защиту на узкомъ и крутомъ спускѣ, не могли хладнокровно говорить о силѣ, ловкости и самообладаніи молодого героя. Выпустивъ всѣ заряды изъ двухъ револьверовъ, онъ выхватилъ кинжалъ и, продолжая отбиваться, приближался все болѣе къ бѣлой лошади, запряженной въ пролетку, на которой поджидалъ его Халтуринъ у конпа узкаго спуска, выходящаго на Гаванную улицу. Между тѣмъ внизу передъ спускомъ собралась уже кучка прохожихъ. Они не знали, конечно, что совершилось тамъ наверху, но съ изумленіемъ смотрѣли на несущагося къ нимъ вооруженнаго человѣка, поранившаго уже многихъ, пытавшихся задержать его. Имъ скоро стала замѣтна цѣль этого отчаяннаго бѣга; многіе бросились къ выходу спуска, чтобы въ этомъ узкомъ мѣстѣ задержать бѣгущаго и окружили пролетку. Въ эту критическую минуту Халтуринъ, убѣдившись, что Желвакову пробиться къ пролеткѣ невозможно, соскочилъ съ нее, и, выхвативъ револьверъ, хотѣлъ поспѣшить на помощь къ товарищу, но на первыхъ же шагахъ онъ споткнулся. Еврей, прикащикъ изъ угольнаго склада, околодочный надзиратель и нѣсколько карантинныхъ рабочихъ бросились его задерживать. «Оставьте! я соціалистъ! я за васъ!» крикнулъ Хал-

туринъ. Рабочіе инстинктивно остановились. «Что бы ты такъ жилъ, какъ ты за насъ!» отвѣчалъ прикащикъ, здоровенный негодяй, вмѣстѣ съ околодочнымъ всею тяжестью, навалившійся на Халтурина. «Конечно, не за такихъ мерзавцевъ какъ ты, а за рабочій несчастный народъ!» проговорилъ тотъ съ трудомъ переводя дыханіе. Подоспѣвшая полиція помогла имъ связать Халтурина, звѣрски скрутивъ ему руки глубоко впившимися въ тѣло веревками.

«Желваковъ увидалъ, что дѣлается около пролетки и, почти у самаго прохода, свернулъ въ сторону по направленію къ Карантинной площади, все продолжая бѣжать, хотя силы должно быть, уже начали оставлять его. Столкнувшись съ чиновникомъ Игнатовичемъ, тоже бросившимся преграждать ему путь, онъ пріостановился немного; тогда погоня мгновенно окружила его, обезоружила, повалила и связала. Обоихъ арестованныхъ тотчасъ же увезли въ полицію. А оставшаяся на мѣстѣ толпа, разбившись на кучки толковала о происшествіи. «Что тутъ случилось спрашивали вновь пришедшіе. «Да вотъ дѣвушку на бульварѣ убили, отвѣчали въ одномъ мѣстѣ; «старика какого-то убилъ одинъ», говорили въ другомъ; «невѣсту свою убилъ одинъ, молодой такой», сообщали въ третьемъ. Никто не зналъ еще истиннаго смысла происшествія.

«Но постепенно распространяясь съ бульвара, вѣсти дошли и до нижнихъ улицъ. Сперва разнорѣчивыя: «Стрѣльниковъ убитъ!» — «Градоначальника пристрѣлили!» — «Самого Гурко.» Но къ ночи всюду было уже извѣстно, что убійство «политическое» и убитъ именно Стрѣльниковъ. Отношеніе тотчасъ измѣнилось: «Если-бъ знали, отбили бы», говорили карантинные рабочіе. Говорятъ, даже самъ Игнатовичъ заболѣлъ отъ угрызеній совѣсти, что помогъ задержать убійцу Стрѣльникова. Въ городѣ стало замѣтно возбужденіе. Одни спѣшили на бульваръ, посмотрѣть мѣсто происшествія, кровь, скамейку; другіе толпились у полиціи, куда привезли арестованныхъ. Сочувственное отношеніе къ событію можно было подмѣтить повсюду. Не говоря уже о воскицаніяхъ, «собакѣ собачья и смерть!»—«такъ ему сукину сыну и нужно!»—мнѣ случилось натолкнуться на такія сцены: на буль-

варѣ у самого спуска группа публики окружаетъ очевидца происшествія. Тотъ съ жаромъ и размахивая руками разсказываетъ, какъ отбивался Желваковъ, какъ онъ бѣжалъ, и въ восторгѣ безпрестанно прерываетъ свою рѣчь восклицаніями: «вотъ герой-то! вотъ молодецъ!» Публика сочувственно слушаетъ, притаивъ дыханье.

«У квасной лавочки, противъ полиціи, я замѣтилъ маленькій кружокъ, состоявшій изъ лавочницы, нѣсколькихъ подмастерьевъ-сапожниковъ и сѣдаго мужичка, что-то шепотомъ говорящаго остальнымъ. При моемъ приближеніи разговоръ смолкаетъ. «Что случилось?»—спрашиваю я.—«Енерала убили.»—«Кто?»—«Да двое какихъ-то... молодые.»—«Поймали?»—«Поймали бѣдныхъ», отвѣчаетъ мужичекъ и, тотчасъ же спохватившись, прибавляетъ, мѣняя тонъ: «какъ-же поймали... привезли ужъ.»—«За что же они его убили?» спрашиваю я. Мужичекъ пристально посмотрѣлъ на меня и тихо произнесъ: «Да звѣстно... говорить-то нынче нельзя», и таинственно умолкаетъ. У всѣхъ грустныя лица...

«Полиція вся на ногахъ. Пѣшіе и конные патрули попадаются на каждомъ шагу. По тротуару передъ зданіемъ полиціи запрещено ходить; сюда то и дѣло подъѣзжаютъ придержащія власти: ген. губернаторъ, градоначальникъ и другіе. А въ самомъ зданіи идутъ допросы. Желваковъ отказался отвѣчать пока ему не скажутъ убитъ ли Стрѣльниковъ. «Убитъ», отвѣтили ему.—«Ну теперь дѣлайте со мной, что хотите.» Допросы ни къ чему не приводили. Узнали, гдѣ была куплена лошадь, узнали и квартиры арестованныхъ, такъ какъ при нихъ были паспорта, но ни ихъ личности, ни настоящія фамиліи константированы не были. Поздно ночью подъ сильнымъ конвоемъ ихъ перевезли въ тюрьму и помѣстили въ подвальномъ этажѣ. Допросы шли безпрерывно и до самой казни арестованнымъ не дали ни одного часа отдыха. По городу шли слухи, что ихъ пытаютъ, но фактическихъ доказательствъ этому у насъ нѣтъ.

«Въ ночь съ 20-го на 21-ое собрался у насъ судъ, невиданный даже и въ Россіи. Вообразите себѣ глухую ночь, неизвѣстное публикѣ мѣсто суда, и въ засѣданіи никого кромѣ Гурко, имъ самимъ избранныхъ

судей, да подсудимыхъ. Даже высшіе чины военнаго и судебнаго вѣдомствъ не были допущены. И все таки намъ извѣстно въ общихъ чертахъ, что происходило на судѣ, что говорили подсудимые. Халтуринъ заявилъ, что пріѣхалъ въ Одессу съ цѣлью заняться организаціей рабочихъ, но въ дѣятельности Стрѣльникова встрѣтилъ сильное препятствіе. Онъ сообщилъ объ этомъ Исполн. Комитету и получилъ отъ него порученіе организовать убійство Стрѣльникова, что и было имъ выполнено.

«Желваковъ, говорятъ, сказалъ: «Меня повѣсятъ, но найдутся другіе. Всѣхъ вамъ не перевѣшать. Отъ ожидающаго васъ конца, ничто не спасетъ васъ!»

«Изъ Гатчины было получено предписаніе немедленно повѣсить убійцъ Стрѣльникова, и въ виду такой поспѣшности Гурко рѣшилъ, не безпокоя Фролова, выбрать палача изъ содержащихся въ Одесской тюрьмѣ приговоренныхъ къ каторгѣ арестантовъ. Интересны подробности этого выбора.

«Вѣсть о томъ, что Стрѣльниковъ убитъ, и арестованные убійцы привезены въ тюрьму быстро разнеслась между уголовными арестантами. Фактъ убійства былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ, а арестованные вызвали живѣйшее сочувствіе, особенно Желваковъ своимъ удальствомъ и молодостью. Поэтому предложеніе повѣсить, за извѣстное вознагражденіе, убійцъ Стрѣльникова было встрѣчено арестантами рѣшительнымъ отказомъ. Нѣкоторые выражали его въ самой рѣзкой формѣ: «Да не сойти мнѣ съ этого мѣста, подохнуть совсѣмъ, если я ихъ хоть на ѳстолько трону.»—« Скорѣй всѣхъ генераловъ передушу, чѣмъ ихъ хоть мизинцемъ трону!» — слышалось въ отвѣтъ на позорное предложеніе.

«Наконецъ напали на одного, который видимо началъ колебаться, прельщенный обѣщаніями льготъ и подарковъ. «Я только вѣшать не умѣю», отговаривался еще онъ. «Ну это пустяки — возражали ему — вѣшать докторъ (тюремный врачъ Розенъ) подучитъ.»

«Палачъ былъ наконецъ найденъ и казнь назначена на разсвѣтѣ 22-го марта.

«Ни о судѣ, ни о приговорѣ, ни о самой казни общество не должно было знать, раньше чѣмъ все будетъ кончено, но тѣмъ не менѣе при повѣшеніи

требовалось присутствіе его представителей. Эта диллема была разрѣшена слѣдующимъ образомъ: двумъ-тремъ благонадежнымъ гласнымъ думы и извѣстному редактору «Новоросс. Телегр.» Озмидову былъ посланъ лаконическій приказъ: явиться въ 5 час. утра къ городскому головѣ. Несчастные представители гласности провели очень тревожную ночь и на разсвѣтѣ явились къ Маразли (городской голова), который и повезъ ихъ прямо въ тюрьму.

«Въ 6 часовъ вывели Халтурина и Желвакова. Послѣдній быстро взошелъ по ступенькамъ эшафота и пересчиталъ ихъ: — «14, о, какъ высоко!» — сказалъ онъ. Самъ надѣлъ петлю на шею и повисъ. Чахоточнаго, больного Халтурина должны были поддерживать. Слишкомъ много выпившій для бодрости палачъ долго возился надѣвая на него петлю и нѣсколько разъ поправлялъ ее. Благодаря его неумѣлости, Халтуринъ страшно долго мучился, прежде чѣмъ былъ окончательно задушенъ. Полицмейстеръ, присутствовавшій при казни, отвернулся, чтобы не видѣть его судорогъ, а офицеру, распоряжавшемуся процедурой, сдѣлалось дурно.»

Степанъ Халтуринъ погибъ, какъ и жилъ, героемъ. Всѣ свои лучшіе годы жизни посвятилъ онъ дѣлу освобожденія рабочаго класса. Онъ не любилъ руководить другими, онъ дѣйствовалъ самъ и его работа была лучшимъ руководствомъ для его товарищей.

Онъ стремился создать крѣпкую рабочую организацію, въ организованности пролетаріата видѣлъ его спасеніе. И поэтому онъ былъ въ тотъ періодъ дѣятельности «Союза», который предшествовалъ аресту Виктора Обнорскаго, а съ нимъ и многихъ другихъ опытныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, такъ враждебно настроенъ къ террористической тактикѣ «интеллигентныхъ» революціонеровъ. Онъ чувствовалъ, что эта тактика не свойственна пролетаріату, какъ классу. Онъ думалъ, что во всѣхъ неудачахъ, во всѣхъ провалахъ виноватъ, терроръ. «Чистая бѣда*) — восклицалъ Халтуринъ — только-только наладится у насъ дѣло, — хлопъ! шарахнула кого-нибудь интелли-

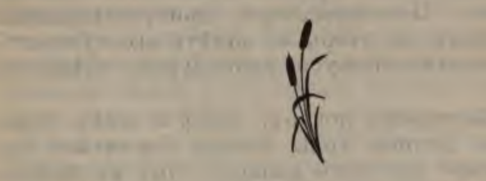
---

*) Плехановъ «Русскій раб. въ рев. движ.» стр. 59.

генція, и опять провалы. Хоть немного бы дали вы намъ укрѣпиться!»

Послѣ гибели Союза Халтуринъ сдѣлался террористомъ. Цѣльная натура, онъ никакому дѣлу не отдавался вполовину и смѣло шелъ на самыя опасныя предпріятія.

Степанъ Халтуринъ много сдѣлалъ для русскаго рабочаго класса и вполнѣ заслужилъ себѣ почетную страницу въ исторіи русской революціи.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

«Библіотека Русскаго Пролетарія»

Nº 1. *«Пѣсни Жизни»*, цѣна 15 коп. 40 сант.
Nº 2. *«Международные Соціалистическіе Конгрессы»*. Цѣна 30 к., 80 с.
Nº 3. П. Своводинъ *«Бунтуютъ»*, разсказъ. Цѣна 10 коп., 25 сант.
Nº 4. Г. Куклинъ. *«Нѣсколько словъ о празднованіи 200-лѣтія русской печати»*, цѣна 10 коп., 25 сант.
Nº 5. *«Программы „Жизни“, „Искры“ и „Зари“, съ приложеніемъ отзывовъ о нихъ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
Nº 6. *«Старая и новая программы „Рабочаго Дѣла“»*. Цѣна 8 к., 20 с.
Nº 7. *«Программа и объявленіе о возобновленіи изданій группы „Освобожденіе Труда“»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 8. А. Арну. *«Мертвецы коммуны»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
Nº 9. *«Программа „Рабочаго Знамени“»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 10. *«Манифестъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи (1898 г.)»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 11. Софья Бардина. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 12. Петръ Алексѣевъ. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 13. М. Е. Салтыковъ. *«Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ»*. Цѣна 3 коп., 10 сант.
Nº 14. *«Изъ программныхъ статей „Земли и Воли“»*. 3 коп., 10 сант.
Nº 15. К. Марксъ. *«Первый манифестъ международнаго товарищества рабочихъ»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
Nº 16. I. Ф. Беккеръ. *«Манифестъ къ земледѣльческому населенію»*. Цѣна 8 коп., 20 сант.
Nº 17. *«Сборникъ программъ и программныхъ статей „Народной Воли“»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
Nº 18. *«Изъ программныхъ статей „Черпаго Передѣла“»*. Цѣна 15 к., 40 сант.
Nº 19. Ж. Гэдъ. *«Коллективизмъ»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
Nº 20. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. *«Манифестъ коммунистической партіи»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
Nº 21. В. Поссе. *«Всеобщія стачки»*. Цѣна 40 коп., 1 фр.
Nº 22. В. Либкнехтъ. *«Отъ обороны къ нападенію»*. Цѣна 30 к., 80 с.
Nº 23. *«Обыскъ, тюрьма и ссылка»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
Nº 24. Г. А. Куклинъ. *«Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за сорокъ лѣтъ (1862-1902 гг.)»* Цѣна 3 руб. 20 коп., 8 фр.
Nº 25. П. Лафаргъ. *«Право на лѣность»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
Nº 26. А. Бебель. *«Женщина и соціализмъ»*. Цѣна: 2 руб., 5 фр.
Nº 27. К. Марксъ. *«Гражданская война во Франціи (1870-1871 г.)»* Цѣна 40 коп., 1 фр.
Nº 28. И. С. Мышкинъ. *«Рѣчь на судѣ»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
Nº 29. Ф. Лассаль. *«Гласный отвѣтъ центральному комитету»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
Nº 30. А. Д. Михайловъ. *«Воспоминанія»*. 30 коп., 80 сант.
Nº 31. П. Лафаргъ. *«Религія Капитала»*. Цѣна 20 коп., 50 сант.
Nº 32. *«Революціонныя пѣсни»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
Nº 33. Ф. Лассаль. *«О сущности конституціи»*. Цѣна 15 к., 40 с.
Nº 34. В. Либкнехтъ. *«Рѣчь о налогахъ»*. Цѣна 10 коп., 25 сант.
Nº 35. К. Каутскій. *«Классовые интересы»*. Цѣна 15 коп., 40 сант.
Nº 36. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?»* Выпускъ первый: 1) Названіе партіи, 2) Построеніе программы. Цѣна 30 коп., 80 сант.

№ 37. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ?»* Выпускъ второй: Теоретическая часть программы. Цѣна 40 коп., 1 фр.
№ 38. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ.»* Выпускъ третій. 1) Самодержавная буржуазія и буржуазное самодержавіе; 2) Средства и способы борьбы; 3) Революція и народная воля. Цѣна 80 коп., 2 фр.
№ 40. Е. Анзель. *«Кооперація и соціализмъ.»* Цѣна 20 коп., 50 сант.
№ 41. Г. А. Куклинъ. *«Идеи „Жизни"».* Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 42. М. Бѣлоруссъ. *«Рабочіе и Интеллигенція.»* Цѣна 30 к., 80 с.
№ 43. В. Г. Короленко. *«Чудная»* (очеркъ). Цѣна 3 коп., 10 сант.
№ 44. К. Марксъ. *«Наемный трудъ и капиталъ».* Цѣна 20 к., 50 сант.
№ 51. Г. А. Куклинъ. *«Сѣверный Союзъ русскихъ рабочихъ и Степанъ Халтуринъ.»* Цѣна 15 коп., 40 сант.
№ 52. Г. А. Куклинъ. *«Народныя волненія въ царствованіе Николая I.»* Цѣна 12 коп., 30 сант.

«Галлерея Русскихъ Революціонеровъ»

1) Александръ Васильевичъ Долгушинъ.
2) Дмитрій Михайловичъ Рогачовъ.
3) Ипполитъ Степановичъ Мышкинъ.
4) Яковъ Васильевичъ Стефановичъ.
5) Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.
6) Петръ Филипповичъ Якубовичъ.
7) Людмила Александровна Волкенштейнъ
8) Вѣра Николаевна Фигнеръ.
9) Софія Львовна Перовская.
10) Левъ Григорьевичъ Дейчъ.
11) Валерьянъ Андреевичъ Осинскій,
12) Петръ Сергѣевичъ Поливановъ.
13) Павелъ Ивановичъ Пестель.
14) Петръ Андреевичъ Каховскій.
15) Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ.
16) Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ Апостолъ.
17) Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ.
18) Сергѣй Григорьевичъ Волконскій.

Цѣна портрета на толстой бумагѣ 25 сант.; на тонкой 15 сант

«Галлерея Нѣмецкихъ Революціонеровъ»

1) Августъ Бебель.—2) Вильгельмъ Либкнехтъ.—3) Юліусъ Моттелеръ.

Цѣна каждаго портрета 10 сант.

Печатаются слѣдующія изданія „Библіотеки русск. пролетарія":

№ 39. В. А. Поссе. *«Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ.»* Выпускъ четвертый.
№№ 45, 46, 47, 48, 49 и 50. Г. А. Куклинъ. *«Матеріалы къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи»* (шесть томовъ.)

По всѣмъ дѣламъ, касающимся *«Библіотеки»* и *«Галлереи»*, слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю по адресу:

G. Koukline 15, rue de Candolle, Genève (Suisse).

Печатаются и скоро выйдутъ № 46 и 47 «Библіотеки Русскаго Пролетарія»:

Г. А. Куклинъ.

МАТЕРІАЛЫ

къ изученію исторіи революціоннаго движенія въ Россіи

Томъ второй (1854—1868 гг.)

Оглавленіе: А. И. Герценъ, «Полярная Звѣзда» и «Колоколъ».—Н. П. Огаревъ.—Н. Г. Чернышевскій.—«Народныя волненія въ началѣ царствованія Александра II.—Прокламаціи 60-хъ годовъ.—П. В. Долгоруковъ и его журналы. — Студенческія волненія при Николаѣ I и Александрѣ II. — Каракозовское дѣло и покушеніе Березовскаго.—Конституціонные адреса.—Польское движеніе при Александрѣ II и возстаніе 1863 г.—А. Серно-Соловьевичъ и его брошюры.

Томъ третій (1868—1877 гг.)

Оглавленіе: М. А. Бакунинъ.—«Народное Дѣло» и Народная Расправа» и С. Г. Нечаевъ. — А. В. Долгушинъ и его кружокъ.—П. Л. Лавровъ и журналъ «Впередъ».— П. Н. Ткачевъ и «Набатъ». — «Работникъ».— «Община».—Кружокъ «Чайковцевъ». — Народныя волненія въ концѣ царствованія Александра II.—Казанская демонстрація.— Процессъ 50-ти. — Южно-русскій рабочій Союзъ.—Процессъ 193-хъ.

Поступили въ продажу слѣдующія изданія «Библіот Русскаго Пролетарія»:

А. БЕБЕЛЬ. — «**О Бернштейнѣ**».

Цѣна 80 коп., 2 ф

А. БЕБЕЛЬ. — «**Женщина и Соціализмъ**».

Цѣна 2 руб., 5 ф

К. КАУТСКІЙ.—«**Классовые интересы**».

Цѣна 15 коп., 40 сан

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**Гласный отвѣтъ центра ному комитету**». Цѣна 20 коп., 50 сан

Ф. ЛАССАЛЬ. — «**О сущности конституціи**.

Цѣна 15 коп., 40 сан

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Отъ обороны къ нападені**

Цѣна 30 коп., 80 сан

В. ЛИБКНЕХТЪ.—«**Рѣчь о налогахъ**».

Цѣна 10 коп., 25 са

К. МАРКСЪ.—«**Гражданская война во Фран (1870-1871 г.)**». Цѣна 40 коп., 1

К. МАРКСЪ.—«**Наемный трудъ и капиталъ**

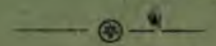
Цѣна 20 коп., 50 са

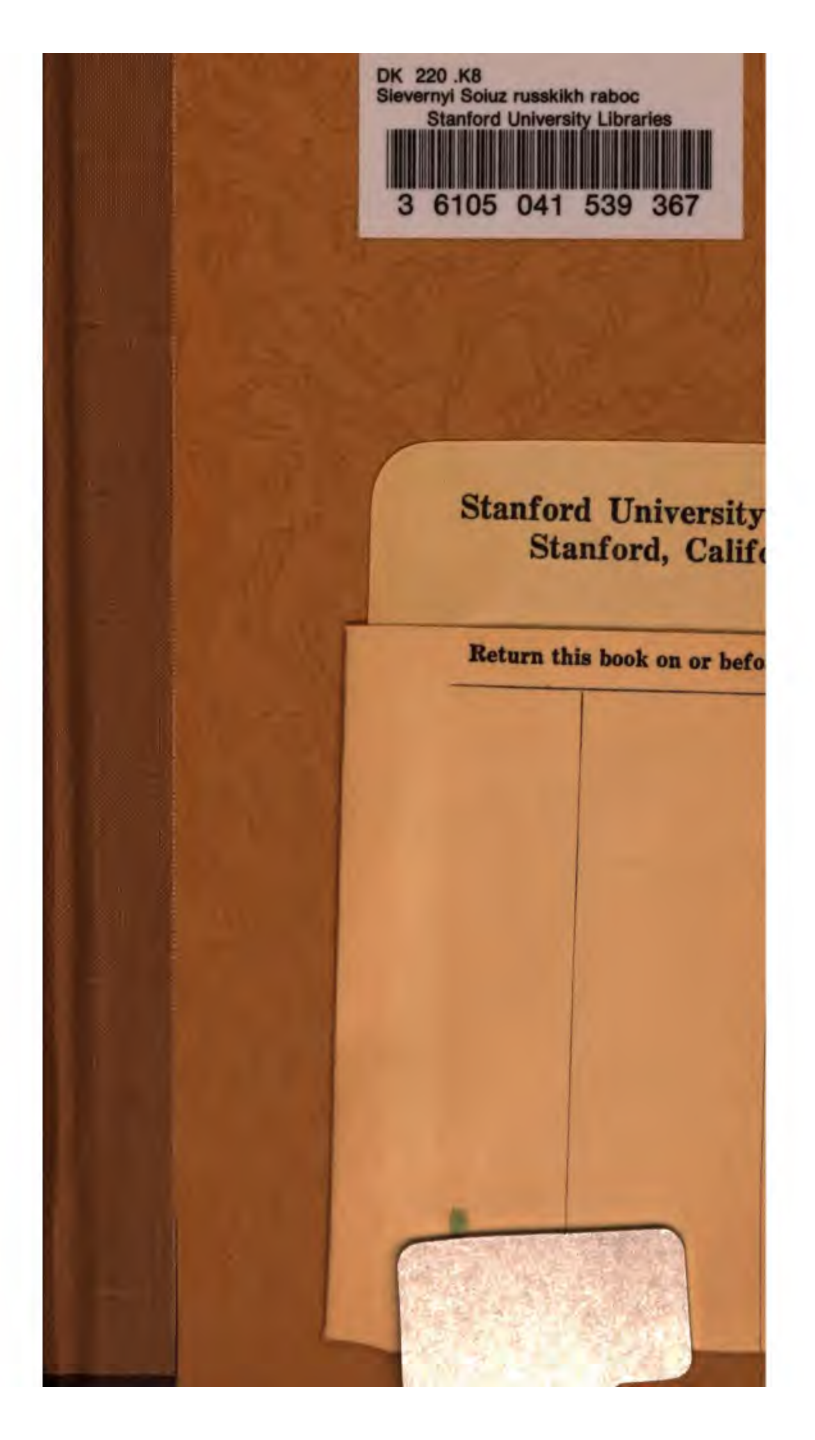
К. МАРКСЪ.— «**Первый манифестъ между роднаго товарищества рабочихъ**.»

Цѣна 8 коп., 20 сан

К. МАРКСЪ и Ф. ЭНГЕЛЬСЪ. — «**Ман.фестъ к мунистической партіи**.»

Цѣна 15 коп., 40 са

Stanford University
Stanford, Calif
Return this book on or befo

